

[От лица Арте]

Честно говоря, у меня никогда не было возможности поговорить с отцом. Да и с матерью я виделась нечасто.

Причина проста: я была ни на что не годна.

С детства я была пугливой, привередливой и плохо училась. У меня не было никаких талантов. Разве что марионеточная магия.

Я не умела заниматься спортом, не умела танцевать, но, как ни странно, у меня получалось ловко управлять куклами. Я была ни на что не годна, но, возможно, это могло порадовать мать.

Предвкушая похвалу отца и матери, которых я почти не видела, я практиковалась в магии.

Но когда я попыталась управлять куклой размером с себя, мать пришла в ярость и закричала на меня.

Наконец, улучив момент, я показала ей танец марионеток, который репетировала каждый день, но матери это показалось ужасным и неприятным.

Я почти не помню, что она говорила. Помню только, как она ударила меня по щеке, схватила за волосы и выволокла из комнаты в коридор. А еще кричала, какая же я неблагодарная дочь. Вот и все, что я помню.

Я не понимала, почему она разозлилась. Возможно, потому, что я начала изучать магию только в восемь лет и мало что знала.

Но поскольку мой мир был очень ограничен, слова матери врезались мне в память навсегда.

Что бы я ни делала, у меня ничего не получалось.

Из-за неуверенности в себе я не могла ни высказать свое мнение, ни что-либо сделать.

Даже магия, которой я усердно училась, в итоге оказалась мне не по зубам.

Более того, возможно, именно она стала решающим фактором. С тех пор мать перестала смотреть на меня. С отцом я, как и раньше, не виделась, но видеть, как мать игнорирует меня при редких встречах, было невыносимо больно.

Но я знала, что это моя вина. Поэтому я старалась жить тихо, не высываясь.

Со временем я превратилась в невидимку. Со мной никто не разговаривал, и дни мои проходили в праздности.

Хотя я ничем не занималась, стоило мне остаться одной в комнате, как на глаза наворачивались слезы.

Возможно, мать возлагала надежды на мои магические способности. И поэтому расстроилась, когда желаемого результата не последовало.

Если это так, то как же я ужасно поступила.

Она дала мне жизнь, верила в меня, а я не смогла дать ей ничего взамен. Только разочаровала ее.

Какая же я неблагодарная дочь!

Когда эти слова всплыли у меня в голове, я разрыдалась. Мне было так грустно, так больно, так тяжело.

Прошло два месяца, три месяца, а может, и полгода.

Отец впервые позвал меня к себе.

Я каждый день проводила в слезах и уже ни на что не надеялась.

У меня не было ничего. Я была маленькой и слабой, без каких-либо талантов. Поэтому я решила, что меня позвали только для того, чтобы сообщить о моем изгнании.

Думая об этом, я стояла в углу просторной комнаты, как статуя.

Появившийся отец был немного толще, чем в моей последней памяти несколько лет назад.

— Д-добрый день, отец...

Я вежливо поклонилась. Голос дрожал, и рука, сжимающая подол юбки, тоже задрожала. Что подумает обо мне отец, видя, что я не могу справиться даже с таким простым делом?

Я боялась поднять глаза.

Но отец не стал ругать меня, а заговорил с кем-то, кто появился вслед за ним. Судя по всему, с

женщиной.

— Вот она.

— Хм. Вы уверены, что я подойду? С таким же успехом можно было бы отправить ему письмо.

— Не говори глупостей. Это зависит от ситуации. В любом случае, с ней ничего не случится. Сделай так, как я сказал.

— ... Хорошо. Но имейте в виду, если он мне не понравится, я заберу ее с собой.

— Здравствуйте, леди Арте фон Фердинанд. Меня зовут Панамера Карера Кайен, я виконтесса. Вы, наверное, уже слышали о своем замужестве?

Женщина выглядела сурово, но виконтесса Кайенн смотрела на меня с добротой.

— А, э-э, я, я не слышала...

Я не знала, что ответить, и не смогла закончить фразу. Но виконтесса не рассердилась.

— Хм... Речь идет о том, чтобы выдать вас замуж за достойного человека. Если же он окажется недостойным, мы откажемся от этого брака, так что не беспокойтесь.

— ... Вы хотите сказать, что... мне придется покинуть дом, если я... никому не нужна...?

— Вовсе нет. Как вам известно, у ваших брата и сестры уже есть женихи. Вы последняя. Хорошо, если найдется достойный человек.

Виконтесса рассмеялась заразительным, почти мужским смехом и потрепала меня по голове. Пожатие было таким сильным, что казалось, будто моя голова сейчас оторвется, но, как ни странно, в этом жесте чувствовалась безграничная нежность.

У меня зашипало в носу, и я поспешила сдержать слезы.

За два года я впервые встретила человека, который посмотрел на меня.

Трехнедельное путешествие в карете стало самым счастливым временем в моей жизни. Госпожа Панамера часто на что-то злилась, но была добрым человеком.

Она возмутилась, когда я назвала себя бесполезной, но после нравоучений обняла меня.

Она часто гладила меня по голове и разговаривала со мной.

Несколько раз я разрыдалась, сама удивляясь собственной реакции. Так сильно я была счастлива.

Но госпожа Панамера не сердилась, а снова гладила меня по голове. Мне очень нравились ее прикосновения.

Я сказала, что у нее волшебные руки.

Госпожа Панамера фыркнула и, смеясь, показала свои руки, покрытые шрамами и мозолями.

К тому времени, как мы добрались до пункта назначения — глухой деревушки, — я уже не хотела выходить замуж.

Мне хотелось всегда быть рядом с госпожой Панамерой.

Поэтому, когда я впервые увидела сына мелкого местного лорда, за которого меня хотели выдать, мне не захотелось к нему приближаться.

Он, похоже, был того же мнения, потому что все время разговаривал только с госпожой Панамерой.

«Похоже, я снова встретила человека, который меня не замечает», — подумала я, но на этот раз мне было все равно. Ведь у меня есть госпожа Панамера.

Думая об этом, я стала наблюдать за мальчиком по имени Ван, словно он был мне безразличен.

Ван явно был особенным. Госпожа Панамера насторожилась, когда впервые увидела деревню, но при личной встрече ее настороженность, похоже, только усилилась.

Живя в замке, я не понимала почему, но этот мелкий лорд, похоже, сделал свою деревню невероятно сильной и процветающей.

«Вот это да», — рассеянно подумала я.

Он был моей полной противоположностью. Он уверенно разговаривал с госпожой Панамерой при первой же встрече, у него были подчиненные, которые явно его обожали.

Должно быть, он был всесторонне развит, оправдывал ожидания родителей, был талантлив, силен и уверен в себе.

Мне стало грустно оттого, что я ему завидую.

Почему мы с ним такие разные?

Почему ему так везет?

Я погрузилась в мрачные мысли, но потом он вдруг рассмеялся, отрицая слова госпожи Панамеры, и я подняла голову.

— Моими единственными подчиненными были мальчик по имени Камсин и служанка Тиль. Да и денег мне много не платили.

Его слова привели меня в замешательство.

Он говорил так, будто с ним плохо обращались, но это было невозможно. Если бы с ним обращались так же, как со мной, он бы не смог говорить об этом так спокойно.

Но он сказал, что его выгнали из дома.

В его словах не чувствовалось лжи, и, глядя на его профиль, когда он самоиронично улыбнулся, я почувствовала к этому юноше по имени Ван Ней Фертио жгучий интерес.

<http://tl.rulate.ru/book/64783/4335309>